

0- 779153

На правах рукописи

Буряченко Валентина Владимировна

**КОНЦЕПЦИЯ «ЭСТЕТИКИ ЖИЗНИ» В ТВОРЧЕСТВЕ
К.Н. ЛЕОНТЬЕВА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2009

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века в ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет».

Научный руководитель: старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент
Бердникова Ольга Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сарычев Владимир Александрович
кандидат филологических наук
Гайворонская Людмила Васильевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО Уральский государственный университет им. А.М. Горького

Защита состоится «01» июля 2009 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан 29 мая 2009 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000642019

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'O.A. B.' followed by a horizontal line.

О.А. Бердникова

Общая характеристика работы

В современной культуре имя Константина Николаевича Леонтьева (1831 – 1891) в большей степени связано с религиозной философией. Однако он был полноправным участником литературного процесса 1860-1880-х годов, и его хорошо знали и читали в литературных и философских кругах. В. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев, И. Фудель, С. Франк, В. Зеньковский подчеркивали оригинальность мировоззрения Леонтьева-мыслителя, отдавая дань образности его мышления и неповторимости литературного стиля.

К.Н. Леонтьев представляет собой феномен соединения философии и литературы, который явственно обозначился в русской философии рубежа XIX и XX веков. Г.Д. Гачев, В.А. Подорога и другие ученые считают нашу отечественную философию «очень литературной, очень зависимой от литературы». «Партнерство» философии и литературы стало возможным благодаря общим для них вопросам, одним из которых всегда был вопрос о красоте. К.Н. Леонтьев – один из первых русских философов, писавших художественные тексты и литературно-критические очерки. Религиозно-философское наследие К. Леонтьева обладает мощным творческим потенциалом. Его философские работы отличаются образностью и выразительностью, свойственными художественной литературе, а прозу – философская насыщенность содержания. Это позволило ученым называть К. Леонтьева «философом-поэтом» (Н. Бердяев) и «художником мысли» (И. Фудель), а его труды – «поэтической философской прозой» (А. Корольков).

К.Н. Леонтьев прошел сложный путь философа, снискавшего славу реакционера и консерватора, и писателя, не получившего широкого признания при жизни. Свою литературную деятельность он совмещал с врачебной практикой, участием в Крымской войне, дипломатической службой в Турции. Всю свою жизнь он стремился осмыслить православное учение и примирить его со своими эстетическими воззрениями. Более всего современников К. Леонтьева поражала в нем смесь аскетизма и эстетизма. В конце жизни К. Леонтьев принял монашество, к которому стремился с 1872 года. Он до конца жизни оставался эстетом, но в 1880-е гг. К. Леонтьев подверг переосмыслению соотношение эстетизма и религиозной этики в пользу последней.

Из всех философов К. Леонтьев, возможно, наиболее широко, применительно к действительности, объяснял эстетику, которая для него перестала быть отвлеченным понятием и стала «редчайшей, штучной специализацией» (В. Подорога). Центральная формула мировоззрения К.

Леонтьева – «эстетика жизни», включающая в себя *красоту* (прежде всего, внешней формы), *разнообразие и борьбу*.

Феномен К. Леонтьева пытались понять и «разгадать» еще при его жизни не только отечественные (В. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев), но и зарубежные (Миролю Абель, Франк Симон) исследователи. Активное изучение мировоззрения и творчества философа-литератора продолжилось до 1917 года. В 1920-1930-е гг. в зарубежных изданиях выходили в свет отдельные статьи и очерки о К. Леонтьеве, которые, однако, не получили широкого распространения. В советское время имя мыслителя замалчивалось в связи с консервативностью его взглядов: о нем почти не писали, если не считать редких статей конца 1960-х гг. Лишь в 1990-е годы после долгого забвения и вульгарного «недочитывания» (Ю. Иваск) вновь возник интерес к наследию К. Леонтьева. В наши дни его творчество осмысливается в контексте русской религиозной философии и культуры. В разных изданиях стали появляться социо-культурные, религиозно-философские, историко-философские и литературоведческие работы, посвященные исследованию тех или иных аспектов творчества К. Леонтьева. Большой вклад в изучение наследия мыслителя внесли Г. Кремнев, В. Косик, Б. Адрианов, Н. Мальчевский, Б. Бессонов, С. Бочаров, В. Котельников, А. Корольков, А. Козырев. Особенно значительным нам представляется труд Ю.П. Иваска «Константин Леонтьев (1831-1891). Жизнь и творчество» (1961-1964), который и до настоящего времени является самым полным и обстоятельным анализом литературного наследия К. Леонтьева. В период с 2002 по 2005 годы в разных вузах страны были представлены семь диссертационных работ, так или иначе связанных с именем К. Леонтьева. Из них три – филологической направленности (Е. Хрипунова, И. Славин, А. Виноградов), остальные – историко-философской, однако только работа Е. Хрипуновой посвящена исследованию беллетристики писателя.

Творчество К. Леонтьева необходимо осознать в контексте истории русской литературы XIX-XX веков, выявить творческую взаимосвязь с его современниками и потомками.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью введения литературного творчества К. Леонтьева в современный научный обиход с целью определения места и значения его наследия в истории русской литературы XIX и XX вв. Осмысление художественного наследия писателя с точки зрения «эстетики жизни» как его основной философской идеи в современном отечественном литературоведении не осуществлялось.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые «эстетика жизни» осознана как основная концепция всего творчества К. Леонтьева в

единстве его религиозной философии, культурологии и беллетристики. В диссертации предлагается научная гипотеза о том, что темы и способы повествования произведений К. Леонтьева предвосхитили некоторые художественные открытия в литературе XX века.

Объектом исследования являются философские, литературно-критические и художественные произведения К. Леонтьева 1860-1880-х годов, которые интерпретированы нами как различные формы творчества писателя. Однако основное внимание уделено исследованию литературных произведений писателя.

Предметом анализа является концепция «эстетики жизни» в творчестве К. Леонтьева.

Материал исследования. Совмещение философских и литературных аспектов творчества К. Леонтьева составляет основную трудность в работе с материалом. Мы исследуем философские работы («Византизм и Славянство», «Восток, Россия и Славянство», «Средний европеец как орудие всемирного разрушения», «Идеал всеобщего однообразия – и последствия общественного смешения в Западной Европе»), литературно-критические («Письмо провинциала к Тургеневу», «Наша жизнь и наша литература», «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой», «О великом инквизиторе», «Анализ, стиль и веяние»), романы «Подлипки» и «В своем краю», произведения из цикла «Из жизни христиан в Турции», повести «Исповедь мужа» и «Египетский голубь». В качестве дополнительного материала привлекались письма, дневники, воспоминания. Издание полного собрания сочинений в 12 томах осуществляется с 2000 года по настоящее время под редакцией В.А. Котельникова. К настоящему моменту изданы 8 томов. В связи с этим в работе с материалом нам приходилось использовать отдельные издания избранных произведений К. Леонтьева.

Цель настоящей работы – выявить основное содержание концептуально-значимой для всего творчества К. Леонтьева идеи «эстетика жизни» и особенности ее художественного воплощения в философских и литературных произведениях К. Леонтьева. Цель работы предполагает решение следующих задач:

1. Изучить основные положения религиозной философии и эстетической теории К. Леонтьева, а также литературно-критические взгляды писателя.

2. Показать, как отразились философские, религиозные и эстетические воззрения К. Леонтьева в его литературных произведениях.

3. Выявить различные уровни красоты в концепции «эстетики жизни» в творчестве К. Леонтьева.

4. Исследовать вероятные связи творчества К. Леонтьева с культурой и литературой XX века.

Теоретико-философской основой исследования явились философские труды Н. Бердяева, С. Булгакова, Г. Гачева, В. Зеньковского, Н. Лосского, В. Подороги, Ф. Разумовского, В. Розанова, Вл. Соловьева, Ф. Степуна, С. Трубецкого, С. Франка. Литературоведческие работы С. Аверинцева, Ю. Айхенвальда, М. Бахтина, Б. Бессонова, С. Бочарова, Ю. Иваска, В. Котельникова, Д. Лихачева, А. Лосева, Ю. Лотмана, Ю. Мальцева, А. Сивака. Культурологические исследования А. Вергунова, Т. Каждан, Д. Лихачева, Ю. Лотмана, А. Низовского, Ф. Разумовского, М. Эпштейна. Методология исследования представляет собой сочетание историко-литературного, герменевтического, семиотического и литературно-типологического методов.

Теоретическая значимость исследования. В научный оборот введено понятие «эстетика жизни», позволяющее осуществлять в дальнейшем разработку общих теоретических вопросов, связанных с проблемами взаимодействия философии, эстетики и литературного творчества.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть применены в разработке вузовского курса в истории русской литературы XIX века и в чтении спецкурсов по творчеству К.Н. Леонтьева. Наблюдения и выводы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях творчества К.Н. Леонтьева и его влияния на творчество писателей XX века.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Религиозно-философские, литературно-критические и литературные произведения К. Леонтьева 1860-1880-х гг. представляют собой идейно-тематическое единство, основанное на концепции «эстетики жизни». «Эстетика жизни», по Леонтьеву, есть красота, разнообразие и борьба в их неразрывной связи.

2. Красоту и разнообразие К. Леонтьев связывал с «самобытными основами русской жизни», неизбежностью сословной иерархии, обусловившей формирование русского типа дворянина и феномена дворянской усадьбы. Этим обусловлена поэтизация дворянского уклада жизни в романах «Подлипки» и «В своем краю».

3. Особым образом К. Леонтьев выделял экзотику как одно из проявлений красоты и разнообразия, что проявилось в его повести «Исповедь мужа» и цикле произведений под общим названием «Из жизни христиан в Турции». В них К. Леонтьев в романтическом ключе изобразил образ жизни и самобытность традиций христиан и мусульман, особенности южных пейзажей.

4. Художественной реализацией философской концепции К. Леонтьева явился его автобиографический герой – чувствительный и чувственный человек, творчески осознающий жизненные впечатления в единстве с его религиозными и эстетическими переживаниями. Этим обусловлены преимущественно лирические формы повествования – исповедь, записки, лирико-философские размышления, воспоминания.

5. Леонтьев-философ доминирует над Леонтьевым-писателем, что приводит к некоторой схематизации сюжетов его произведений. Так, предметом любви является женщина (девушка) иной национальности или другой социальной среды, что отражает его философский постулат о необходимости разнообразия как основы эстетического. Кроме того, эротическое влечение его героя к женщине всегда побеждается религиозно-нравственным чувством.

6. Творчество К. Леонтьева предвосхитило важные художественные процессы в литературе первой трети XX века. Внимание к творческой личности и культ эстетического связывают К. Леонтьева и поэтов и писателей Серебряного века. К. Леонтьев осмыслил экзотическую красоту Востока как особую категорию эстетики, способную обновить художественные способы и приемы, что также отразилось в искусстве Серебряного века. Способы взаимодействия автора и героя романа-воспоминания «Подлипки» во многом предвосхитили феномен лирической прозы в литературе XX в. (И.А. Бунин и И.С. Шмелев).

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре русской литературы XX века Воронежского государственного университета. Ее основные положения докладывались на международных и региональных научных конференциях: международной конференции «Метафизика И.А. Бунина» (Воронеж, 2005), VI-х международных чтениях, посвященных братьям Киреевским» (Калуга, 2006), международной конференции «Современность русской и мировой классики» (Воронеж, 2007), региональной конференции «Лингвистика и межкультурная коммуникация» (Воронеж, 2008), международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (Москва, 2008) и на ежегодных научных сессиях ВГУ. По теме диссертации издано 5 статей, одна из которых опубликована в издании, соответствующем перечню ВАК.

Диссертация включает введение, три главы и заключение, библиографический список включает 210 наименований. Общий объем диссертации 171 страница.

Основное содержание работы

Во **Введении** определяются цели и задачи исследования, объект и предмет анализа, дано обоснование актуальности темы и ее научной новизны, представлен обзор критической литературы, посвященной исследованию философского и литературного творчества К.Н. Леонтьева, приводятся сведения об апробации основных результатов и дается определение ключевого для нашей работы понятия «эстетика жизни».

Первая глава «"Эстетика жизни" в философских и литературно-критических произведениях К.Н. Леонтьева» посвящена исследованию идей-образов философского творчества К. Леонтьева и особенностей его литературно-критических работ.

В первой части главы «**Философские произведения**» мы попытались раскрыть основные идеи-образы К. Леонтьева на основе концептуально значимых работ: «Византизм и славянство», «Восток, Россия и славянство», «Идеал всеобщего разнообразия – и последствия общественного смещения в Западной Европе» и «Средний европеец как орудие всемирного разрушения». Обилие метафор, афоризмов, живая образность сравнений придает этим сочинениям истинную художественную ценность. В них «веет» эпоха, преобладает «анализ» и превосходный «стиль». Все указанные работы объединены одной большой темой социально-исторического развития государства и культуры с позиции «эстетики жизни». В них заявлены основные идеи-образы философии К. Леонтьева: *Византизм, Восток, Россия, Славянство и «средний человек»*.

Византизм писатель определяет как «особого рода образованность или культуру, имеющую свои отличительные признаки <...> и свои определенные в истории последствия». Это «сложная ткань нервной системы, проникающая насквозь в великорусский общественный организм». Византизм – главный «персонаж» К. Леонтьева в истории и культуре, обладающий вполне конкретными свойствами. У него есть своя форма и свое содержание, которые Леонтьев рассматривает через религию, государство и культуру. *Византизм в религии* имеет православное содержание и красивую обрядовую форму. Он влияет на основы семьи и государственности. *Византизм в государстве* – это Самодержавие и дисциплина, крепкая форма и «деспотическое начало», призванное «охранить» содержание от «разбегания». Содержание в данном контексте К. Леонтьев представляет как своеобразие и самобытность, которые заключаются в разнообразии сословий, национальностей, религиозных верований, культурных традиций. Это то «разнообразие в единстве» (в данном случае в пределах одного государства),

которое является одним из важнейших элементов концепции «эстетики жизни» и при наличии которого возможно «сложное цветение». Проявление византийского духа в религии и государстве К. Леонтьев называл «византийской выправкой». *Византизм в культуре* – это «сложное цветение», «эпоха многообразного и глубокого развития, объединенного в высшем духовном и государственном единстве всего или частей». В Европе «сложное цветение» совпадало, по мнению К. Леонтьева, с эпохой Возрождения, а в России – со временем правления Петра Великого и Екатерины II. Философ видит проявление византийских начал во всем нашем творчестве: произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, по К. Леонтьеву, проникнуты византийским духом, церковным или государственным. Нашу серебряную утварь, иконы, мозаики, зодчество Леонтьев считал наследством византийской культурной традиции. Философ предлагал «подморозить» Россию, чтобы удержать ее в состоянии «цветущей сложности». Г. Гачев уже в нашем столетии является последователем К. Леонтьева, так же, как и он, считая, что взаимодействие культур должно быть ограничено, а историческое развитие должно быть «законсервировано». *Россия* представлялась К. Леонтьеву самобытным, обособленным в своей индивидуальности «организмом», страной «загадочных славяно-туранцев». Отмечая особый тип русской культурной традиции (по своей истории, по этнической крови, по национальной психологии), К. Леонтьев настаивал, что все живущие в России народы должны обязательно поддерживать и хранить свои обычаи и уклад жизни, «согласовывая их по возможности с православием». *Славянство* К. Леонтьев считал носителем старого, «эпического» быта в своей «первоначальной простоте», за что и любил его. Но он писал об отсутствии у многочисленного славянства единства, «славянской идеи». При родственности языков у славян разные культуры, которые они не способны сохранить от влияний извне. *Восток* для К. Леонтьева – это «свежее дыхание» необходимое для спасения своеобразия России. Именно на Востоке, по его мнению, все еще оставалось и разнообразие, и самобытность традиций, и достаточно деспотизма, чтобы все это удерживать в форме. К тому же, на Востоке К. Леонтьев высоко ценил греков как хранителей византийского Православия. Но философ считал, что «только благодаря туркам держится на Востоке многое истинно православное и славянское. Без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее». *Средний человек, средний европеец* – «продукт» западного прогресса и главный объект критики Запада К. Леонтьевым. «Гниль и смрад» - одна из тех метафор К. Леонтьева, которая заставляет почти физически почувствовать «душок» происходившего, по его мнению,

процесса «разложения». Средний человек воплотился у К. Леонтьева в образе «мышы», «серого скворца во фраке». В неприятии К. Леонтьевым нового «героя» эпохи, филистера, В. Зеньковский видел сходство с А.И. Герценом (еще одним мыслителем-литератором), который также испытывал эстетическое отвращение от того, что принес с собой мещанин на Западе.

Во второй части первой главы **«Литературно-критические произведения»** мы остановились на характеристике К. Леонтьевым творчества наиболее прославленных его современников, влияние которых на судьбу русской литературы он считал наиболее сильным. «Письмо провинциала к Тургеневу», «Наши новые христиане», «Два графа: Вронский и Толстой», «Анализ, стиль и веяние», а также некоторые письма К. Леонтьева посвящены разбору сочинений И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, составлявшие «рамку русской литературной школы», которую Леонтьев «хотел разбить и сломать». К. Леонтьев отрицательно оценивал отдельные произведения Тургенева («Накануне», «Отцы и дети») за «нехудожественность» и «схематичность», за преобладание сознательного над бессознательным, за то, что эстетика приносится в жертву социальным тенденциям. За «мелкость лиц» и карикатурность образов К. Леонтьев критиковал «Шинель» и «Мертвые души» Гоголя, противопоставляя их «патриотическому» «Тарасу Бульбе» и «поэтическим» «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Отсутствие красоты, «изломанность» и «болезненность» персонажей, увиденные К. Леонтьевым в произведениях Достоевского, навсегда отвратили его от признанного гения русской литературы. Но Достоевский оценен Леонтьевым как писатель, художественно осмысливший в своих произведениях «тип русского дворянина» и дворянства как особый феномен русской жизни. Леонтьев-критик дает редкую для него высокую оценку двум романам Л.Н. Толстого, ставя автора «Анны Карениной» и «Войны и мира» «выше всех романистов нашего времени и за все последние тридцать-сорок лет во всем мире». Толстой избавился от «натуралистических мух», которыми «грешила», по мнению К. Леонтьева, отечественная литература и, кроме того, именно творчество Толстого «равняется русской жизни, а не стоит много ниже ее по содержанию и освещению, как у всех других».

Критические отзывы мыслителя дают возможность выявить основные его требования к искусству слова и сами являются в какой-то мере художественно-ценностными произведениями. К. Леонтьев стремился отыскать в отечественной прозе «эстетику жизни» и находил ее все меньше и меньше. Он обвинял современную ему прозу в чрезмерном критицизме, в том, что она часто несравненно «ниже нашей жизни», в «ядовито-скупном

пути отрицания и насмешки». К. Леонтьев видел задачу искусства в отражении положительных явлений действительности в «прекрасной форме», которую писатель сравнивал с «оправой», с «лицом» человека. внешность привлекает или отталкивает, поэтому, по мнению К. Леонтьева, необходимо заботиться о ней в первую очередь. Исходя из этого, Леонтьев-критик часто рассматривал «оправу» произведения в отрыве от содержания.

«Эстетика жизни» К. Леонтьева в ее «прикладном» значении близка постулату Н. Чернышевского «прекрасное есть жизнь». Но, в отличие от материалиста-прагматика Чернышевского, который руководствовался принципом полезности и для которого искусство всегда было ниже жизни, Леонтьев оставался «романтически настроенным реалистом» (Н. Бердяев), требовавшим соотнести эстетику искусства с прекрасными явлениями действительности. По художественному осмыслению жизни, по романтической настроенности мировоззрения, по стремлению к красоте К. Леонтьев стоит ближе к А. Григорьеву.

С. Бочаров называет К. Леонтьева «новатором своего времени», т.к. именно он ввел понятие «общепсихическая музыка» произведения, которая возникает из совокупности формы, содержания и стиля произведения.

Эстетика формы и «высокая несложность содержания», «психическая музыка» произведения, разграничение красоты и нравственности, преобладание формы над содержанием, анализ произведения как эстетического феномена – вот основные требования критических притязаний К. Леонтьева.

Во второй главе «"Русский тип дворянства": сословное как элемент "эстетики жизни"» рассматриваются два романа К. Леонтьева о русском дворянстве, отражающие, по его собственному мнению, главную, эстетическую сторону его мировоззрения. В «Подлипках» (1861) и «В своем краю» (1863) писатель стремился показать «эстетику жизни» высшего сословия.

Наиболее ярким и поэтичным произведением, возможно, лучшим из всех художественных сочинений К. Леонтьева, является роман-воспоминание «Подлипки». И. Бунин, отзываясь о «замечательном» человеке К. Леонтьеве, «умном, интересном, талантливом», оценил роман «Подлипки» («Записки Владимира Ладнева») «на уровне толстовских вещей».

Форма воспоминания придает повествованию поэтичность и глубокий лиризм. Сама фамилия героя – Ладнев – говорит о склонности его к ладу, гармонии. События в романе лишены строгой хронологии, т.к. бессознательно «следуют» за воспоминаниями героя, который, по

выражению Ю. Иваска, «играет со временем». Это приводит к ощущению подвижных рамок повествования, прозрачности и неоформленности сюжета.

К. Леонтьев попытался художественно осмыслить феномен сословия, которое он очень ценил и которому придавал огромное значение в развитии русской культуры. В романе в подробностях представлено «родовое древо» Ладнева. Его ветви тянутся к многочисленным родственникам и к петербургской аристократии. Основные ветви ладневского рода ведут к тетушке Марье Николаевне, дядям Петру Николаевичу и Ивану Николаевичу. Несмотря на близкое родство, они представляют собой два разных дворянских типа. Блестящий военный, орденоносец, действительный участник военных действий, внешне красивый (для Ладнева это очень важное качество) Петр Николаевич является в романе представителем старой аристократии. Иван Николаевич – изгой их родни, который нарушил традиции, женившись по любви на женщине ниже его по положению, и был отвергнут семьей, не признавшей мезальянса. Однако с родней он был связан «побочной порослью», сыном Модестом, который «знаменует здесь иссыхающую, теряющуюся в демократической массе ветвь дворянства».

В «Подлипках» отражены все реалии и поэтическая атмосфера усадебной жизни высшего сословия, природный ландшафт как отражение духа и традиций русской культуры и русского характера, родовой сад, возделанный по всем правилам садово-паркового искусства, барский дом традиционной постройки. Разнообразие этих элементов образует прекрасную форму, которая наполнена прекрасным содержанием, составленным из усадебной культуры дворянства. К. Леонтьев показал светское и религиозное воспитание, русские дворянско-крестьянские обычаи, традиции, предания.

Само название «Подлипки» говорит о месторасположении поместья – под липами барского сада. Сад у К. Леонтьева эстетически значимый образ, который является сквозным во всех его произведениях, так или иначе касающихся темы дворянства. Это символ усадебной жизни и «разнообразия в единстве». Сад в «родовом гнезде» Ладнева композиционно состоит из типичных для центральной России деревьев, каждое из которых, по мнению М. Эпштейна, несет в себе определенный символ. *Липа* – наиболее значима в сюжете романа, т.к. является деревом «элегических усадебных мотивов», символизируя память о прошлом. Сад в «Подлипках» – это своеобразный язык поэзии, «текст», по выражению Д. Лихачева, в котором Ладнев «читает» историю предшествующих поколений, искусства, моды и эстетических пристрастий. В этом смысле сад в «Подлипках» соединяет личное пространство и «биографическое время», образуя своеобразный хронотоп, который существует во внутренних пространствах дворянских домов и

усадеб и свойственен, по мысли М. Бахтина, биографическим и автобиографическим романам.

Красота формы и глубокое содержание образа сада дополняется окружающим пространством северной природы. Смена сезонов в романе – одна из тем «психической музыки», т.к. времена года «соответствуют определенному типу эстетического переживания» героя. Его настроения «звучат» в унисон с природой. К. Леонтьев рисует три типа пейзажа: идеальный, унылый (или элегический) и национальный пейзажи (по терминологии М. Эпштейна). Идеальный пейзаж Подлипок относится к весне-лету и вызывает чувства умиротворения. Он дополняется гармоничным дворянско-крестьянским укладом жизни. Зимний сад, тени от деревьев по снегу, сугробы, картина обветшания и увядания поместья, создают унылый, или элегический, пейзаж, для которого характерны грустно-мечтательные мотивы и особая чувствительность в восприятии окружающего мира. Усадебное пространство в контексте природных ландшафтов образует национальный пейзаж.

Леонтьев-живописец через сознание Ладнева «играет» не только со временем, но и с цветом. На протяжении всего романа краски переходят одна в другую сообразно временам года. Графичность бело-черного зимнего рисунка сменяется блестящим многоцветием весны и лета. Повествование также наполнено запахами: благоухание сада, кустов черемухи, липовых деревьев. Особенно памятен Ладневу аромат горького миндаля, потому что для героя – это аромат его первой страсти.

К. Леонтьев показал эстетику дворянского усадебного образа жизни. Балы, домашние театрализованные вечера, охота – в этом для героя К. Леонтьева заключена поэзия, отвечающая его эстетическим пристрастиям.

Первые юношеские влюбленности Ладнева относились к простолюдинкам «высокой души», что было типично для молодого дворянина. Уже здесь проявилась особенность творческого сознания Ладнева: сочетание эстетического и нравственного, что сказалось в его особом чувстве «любовь-жалость».

Опираясь на литературную критику К. Леонтьева, можно утверждать, что писатель сознательно дистанцировался от критицизма по отношению к дворянскому сословию. Он искал эстетику в жизни, а в социальной сфере ее не было. Поэтому в романе «Подлипки» нет «психологизма» и «социального детерминизма» в той острой постановке вопроса, в которой они были свойственны литературе критического реализма 60-х – 80-х гг. XIX в. Но это не значит, что К. Леонтьев не видел слабые и неприглядные стороны дворянского быта и человеческих характеров. Однако перед К. Леонтьевым

стояла другая задача: он стремился отразить «эстетику жизни», которую в русской действительности его времени можно было найти, по убеждению писателя, только в дворянской культуре.

Усадьба, сад, ощущение причастности к родовым корням, русская природа, тесная взаимосвязь сословий в лучших ее проявлениях, поэтическая сторона дворянского быта, глубинный смысл Православия и красота его внешней формы – все это и есть прекрасное разнообразие «жизни живой», ее эстетическая сторона, которую так любил и ценил К. Леонтьев.

Главную идею романа «В своем краю» сам Леонтьев определил так: «Мысль его была сложная; прежде всего то, что главное в жизни – это прекрасное и, как важный элемент его, зло, борьба, страдания, но высокие; хотелось представить и поэзию хорошей помещичьей жизни в России». В силу сознательного стремления К. Леонтьева-философа облечь свое мировоззрение в литературную форму, роман «В своем краю» уступает «Подлипкам» в художественном отношении и во многом становится манифестом философских, нравственно-религиозных и эстетических убеждений писателя.

Учитывая критику К. Леонтьева в адрес И. Тургенева, можно предположить, что автор романа «В своем краю» (написанного в 1864 г., позднее тургеневских романов «Рудин» и «Отцы и дети») наделил своего главного героя похожей фамилией Руднев (Рудин), схожим с Базаровым социальным статусом и мировоззрением отнюдь не с целью соответствовать веяниям времени, но в полемике с И. Тургеневым, желая отыскать положительные основы русской жизни в культуре дворянства и показать ее влияние на более низкие слои в обществе.

Как и роман «Отцы и дети», «В своем краю» построен на «диалоге» мировоззрений двух героев, Милькеева и Руднева, которые затрагивают вопросы о дворянстве и крестьянстве, природе и красоте, проблему соотношения нравственного и эстетического. Эстет Милькеев придает огромное значение дворянскому образу жизни и образованию, считая, что именно они помогают вполне оценить эстетику жизни. В основе эстетики Милькеев видит разнообразие, которое старается найти повсюду. Центральное место в философии Милькеева отводится идее красоты как «единственно справедливой оценочной категории». За приверженность эстетизму его даже прозвали «ваше изящество». Милькеев старается «приложить» категорию прекрасного к жизни, неизменно предпочитая ее гуманности. Милькеев видит сущность красоты в природе, «которая обожает разнообразие, пышность форм». Жизнь, по ее примеру, должна быть так же сложна, богата. Главный элемент разнообразия есть личность. Сила и

доблесть личности играет ключевую роль в истории. Идея эстетизма как «меры всех вещей», идея «разнообразия в единстве» как основы красоты и «эстетики жизни», безусловно, является «зеркалом» мировоззрения К. Леонтьева. Однако Милькеев, в отличие от Ладнева, лишен характерности, психологического «рисунка», он является «рупором» авторских идей.

Леонтьев Руднева, как и Тургенев Базарова, сначала лишил художественного воображения и эстетического вкуса, наделил профессией уездного врача, полезностью и целесообразностью рассуждений и действий с целью затем показать, как изменится этот герой под влиянием любви к дворянской девушке Любаше, а главное – под воздействием «эстетики жизни», которую ему откроет ценитель и убежденный защитник красоты как «наиважнейшего принципа всего» Милькеев. Руднев, в конечном счете, принимает сторону московского студента Милькеева, за суждениями которого легко узнаются взгляды самого К. Леонтьева.

Фактически, Руднев воспринял мировоззрение Милькеева, привнес в него свои собственные наблюдения и умозаключения. Руднев везде дома. Он начал ощущать себя человеком в *своем* краю, в *своем* времени и на *своем* месте, в отличие от Базарова, который и «в своем доме “не дома”».

По сути, К. Леонтьев создал своих «Отцов и детей», показав процесс обратного, в отличие от тургеневского Базарова, счастливого преобразования личности. Руднев коренным образом отличается от Базарова своей религиозностью, что наделяет его большей духовной одаренностью и влечет за собой другие важные отличия. Базаров везде и во всем исходит из выгоды и удобства. Он ненавидит в мужиках невежество и предрассудки, а Рудневу близка их религиозность, присущая ему самому. Именно вера помогает ему почувствовать «вкус» к красоте, которая тоже категория духовная. Если Базаров влияет на дворянина Аркадия, то в романе К. Леонтьева образованный студент Милькеев, эстет, не признающий практического как единственно правильного отношения к жизни, сумел изменить и возвысить Руднева над обыденностью, сумел указать ему другую, поэтическую сторону действительности. Руднев приходит к тому, что отрицает Базаров. «Закрытый», внутренне сдержанный герой К. Леонтьева открылся такому естественному чувству, как любовь. Провозгласив устами Милькеева красоту мощным по силе воздействия феноменом в жизни и культуре, показав на примере Руднева, как способен меняться человек под воздействием прекрасного, К. Леонтьев хотел указать единственный путь духовного преобразования – через «эстетику жизни», благодаря которой Руднев преодолевает более низкую среду, не позволяя ей «заесть» себя, и возвышается до дворянской культуры. Так, реалистическая проблема

человека и среды приобрела под пером К. Леонтьева романтическую жоржсандовскую окраску.

Итак, К. Леонтьев является автором вполне традиционного для русской литературы середины XIX в. романа о «дворянском гнезде». Вместе с тем, в отличие от И.С. Тургенева, сделавшего акцент на угасании сословия, К.Н. Леонтьев выделил принципиально иную сторону дворянской жизни. К. Леонтьев увидел эстетическую ценность дворянской жизни как особенного феномена российского общества, а в дворянах – самое необходимое, духовно и культурно значимое сословие. В этом он не совпал со своей эпохой, но был «услышан» в XX веке И.Буниним, продолжившим эту тему в романе «Жизнь Арсеньева». «Подлипки» как лирический роман-воспоминание предвосхищает «Жизнь Арсеньева» И. Бунина. В романе К. Леонтьева, а позднее в романе Бунина, память сердца человека способна пронести живость бытия так, что через время возможно почувствовать запах, услышать звук, ощутить цвет. Это не просто воспоминания, это воспроизведение, воссоздание человеком своего восприятия жизни и переживание этого восприятия, дающее особый тип повествования, который уже в литературе XX века был осознан как «лирическая проза».

Третья глава «Эстетика и экзотика в беллетристике К.Н. Леонтьева («Исповедь мужа», «Из жизни христиан в Турции»). Леонтьев, как до него Байрон и Шатобриан, «убежал от цивилизации в экзотику» (Л. Геллер). Главной чертой всего экзотического является живописность, которая добавляет поэтизации окружающего мира и создает особое ощущение эстетического – «эстетическая категория принадлежит экзотическому». Л. Геллер говорит о «живучести ориентализма» как разновидности экзотического и вспоминает в этой связи имя К. Леонтьева, развернувшего тему Востока в своих произведениях, в которых восточная «живописность» подчеркивает европейское «безобразие».

«Первой южной любовью» К. Леонтьева, по выражению Ю. Иваска, стал Крым, «второй – более яркой и длительной – Крит». Следуя терминологии Ю. Айхенвальда («чужбина» – Кавказ, Крым, Восток) и классификации экзотизмов по Геллеру (расстояние, «чуждость», необычность), мы рассматриваем Крым, показанный Леонтьевым в повести «Исповедь мужа» (1867), как экзотическое явление. В «Исповеди мужа», как и позднее, в повестях о Востоке, Леонтьев воплотил свою мечту о разнообразии – основе красоты, показанной как «пышное цветение», «цветущая сложность». Здесь нет элегического (унылого) пейзажа, а преобладает экзотический пейзаж, созданный на основе природных контрастов (море – горы) и широкой палитры ярких красок.

Другим проявлением «экзотического» является тема «свободной любви» в «Исповеди мужа», сближающая эту повесть с романом Н. Чернышевского «Что делать?». Но К. Леонтьев полемизирует с революционно-демократическим духом эпохи, выразителем которого был Н. Чернышевский. Если в романе «Что делать?» герой отпускает жену с другим человеком из принципа полезности, руководствуясь революционной моралью, то муж из «Исповеди» следует исключительно эстетическому принципу, отпуская жену Лизу с Маврогени, с которым они составляют «прекрасную пару».

Пожилой человек, имя которого К. Леонтьев не называет, подчеркивая его статус мужа, а дает лишь начальную литеру его имени К..., эстет и философ. Он наслаждается жизнью, красотой природы и самобытностью коренных жителей Крыма. Несмотря на радость от пребывания в Крыму, на первых же страницах К... чувствует «тоску по родине»: герою не хватает разнообразия, «музыки» чувств, «того плача и стога, который тихо носится по сырým и горьким полям нашим!», т.е. «борьбы страстей». У К... есть своя эстетическая теория, которая выделяет три типа красоты. Красота «живописная, или пластическая». Это красота природы и красота человеческих лиц. Второй тип – «красота чувств, или музыкальная». В «Исповеди», как в музыке, смена тональностей, переплетение мажорных и минорных ладов, радость и счастье перетекают в грусть и тоску. И, наконец, третий тип – красота «драматическая, или действия». Вся «Исповедь» – настоящая романтическая драма от начала и до конца. По сути, образ К... сложен из мотивов мировоззрения Леонтьева, главным образом, из его концепции «эстетики жизни», но вместе с тем, его характер психологически мотивирован.

Леонтьев создает свои особенные женские образы, идущие вразрез с привычными, утонченными образами в любовных историях в русской литературе. Пушкинская Татьяна, лермонтовская княжна Мэри, тургеневские Ася или Лиза Калитина – все они овеяны романтическим духом совершенства. Другое дело – Лиза в «Исповеди»: ее «волосатые, сильные руки» напоминают «большие, почти мужские руки» Софьи Ржевской из «Подлипок»; немного грубый, «толстый голос» превращается в «прекрасное контральто» во время пения. Стройна, имеет «красивый тонкий нос и лицо продолговатое. А глаза мрачные – чудо!»

Маврогени – самый «экзотический» герой повествования. Он грек, но в нем есть «странное соединение грека с итальянцем. В албанском costume он представляет поистине эстетическое зрелище. Леонтьев подчеркивает через этнический костюм неповторимость и самобытность, противопоставляя индивидуальность Маврогени типичности француза Бертрана,

представителя угасающей Европы. «Француз...француз и только! Все качества его нации налицо и многие из недостатков, своего, *бертрановского* (курсив К.Л.), нет ни искры! Бертран ли он, или Дюмон, или Дюпюи – не все ли равно? Зачем таким людям имена? Их бы назвать француз № 31-й, француз № 1, 568-й и т.д.». Так К... выражает мысль Леонтьева об уравнительном смещении, которое нес с собой Запад. Мы обязаны констатировать, что Леонтьев пророчески предвидел тенденцию к унификации человеческой личности, ставшую главной темой творчества Е.И. Замятина. Невозможно не вспомнить повесть «Островитяне», в которой писатель изображает тип «среднего европейца» с теми приметам, которые с такой точностью отмечал Леонтьев. А «номера» в повести Леонтьева есть гениально предугаданные открытия Замятина в романе «Мы».

Тема «чужбины» у Леонтьева продолжилась в цикле его «восточных» очерков и рассказов. Но эта «чужбина» становится для писателя окончательно «своей». В цикл «Из жизни христиан в Турции» включены «Очерки Крита» (1866), рассказы «Хризо» (1868), «Хамид и Маноли» (1869), «Пэмбе» (1869), повесть «Сфакиот» (1877), роман «Египетский голубь» и др. «Приблизиться к экзотическому можно лишь через непосредственное, вещественное, эротическое с ним соединение» (А. Фаустов). К. Леонтьев более, чем приблизился, он «растворился» в Востоке и сделал его «своим» за эстетику, за самобытность, за разнообразие – за то, что постепенно исчезало из России, обратившейся в своем буржуазном развитии к Западу. К. Леонтьев, предрекая и сожалея о кончине «цветения» России, никогда не воспевал ее на «закате ее дней», и в его художественных произведениях почти не слышно тоски по большой родине. Красота, самобытность и непохожесть (экзотичность) восточного уклада жизни на европейский (что особенно нравилось К. Леонтьеву), переплетение национальных интересов с политическими, взаимодействие двух религий – основные мотивы «восточных» сочинений. Главной целью, объединяющей все произведения этого цикла, по нашему мнению, является стремление автора подчеркнуть «неиспорченность» быта и нравов Востока европеизацией, которой во многом была подвержена Россия, а также большую близость русской нации с ментальностью Востока, чем Европы.

«Египетский голубь» (1881) может быть осмыслен как продолжение «Подлипок» (1861). Оба произведения написаны от первого лица, в форме рукописи-воспоминания. Герой «Египетского голубя» является обладателем уже знакомых читателю имени и фамилии – Владимир Ладнев, и, несмотря на отсутствие прямого указания, есть основание думать, что это именно тот герой, который действует в романе «Подлипки»: одинаковый социальный

статус и тип личности – дворянин с эстетическими наклонностями, увлеченный литературой. Даже чувство, которое он испытывает к женщине, в обоих произведениях одинаково – «любовь-жалость». Однако один и тот же человек живет в двух разных пространствах и воспринимает два времени и две страны. В «Египетском голубе» Ладнев – состоявшийся зрелый человек, с уже вполне оформленным мировоззрением, в котором раскрываются все его прежние (из «Подлипков») задатки и наклонности. В этом смысле оба произведения можно считать диалогией.

Заявленный в заглавии экзотический образ египетского голубя, как рефрен, будет с определенной периодичностью повторяться на протяжении всего повествования, то предвосхищая, то «аккомпанируя» чувствам главного героя, символизируя «музыку чувств».

Как и в разобранных выше произведениях, в «Египетском голубе» показаны несколько уровней красоты. Красота внешней формы и экзотической природы, женская красота и красота чувств. Главная идея «Египетского голубя» – идея сохранения Россией своей самобытности, «русскости», поданная через призму эстетического мироощущения главного героя. «Пасторальность» и «феодалность» – это то, что безвозвратно уходило из русской действительности и что давно ушло из европейской, но все еще оставалось на Востоке. Это то, что вызывало в Ладневе чувство ностальгии и потому поэтизировалось им.

В аспекте значимого для К. Леонтьева противопоставления Запада и Востока герой подчеркивает отсутствие в своей деятельности буржуазного демократизма, столь ему ненавистного. Ладнев с удовольствием исполняет государственную службу секретаря русского консульства в Турции и даже находит в своем занятии определенную поэзию. Благодаря творческому отношению к службе, Ладнева считали «чем-то вроде художника, поэта». Именно поэтому герой хотел быть и в служебном деле «виртуозным по мере сил» и находил, что и в чиновничестве «есть своя поэзия – но она должна состоять в порядке, в послушании и точности».

Любовная интрига в «Египетском голубе» повторяет отношения Ладнева и Паши в «Подлипках». Но Маша Антониади духовно ближе герою, чем его юношеская любовь. В Маше он как будто узнал сам себя. Она стала его «близкою душою», перейдя в категорию «*своих*» (курсив К. Леонтьева) «*Своим*» для Ладнева стал Теряев в «Подлипках» за умение эстетически понять и прочесть «с воодушевлением» «Тройку» Некрасова. «*Своей*» стала Маша Антониади за «музыку чувств» и тонкость понимания его, Ладнева «сложной натуры», за талант совмещать то, что мог совместить только Ладнев (и Леонтьев): европейскую образованность с утонченностью в

вкусах. Ладнев и Маша расстаются «без надрыва» и тягостных чувств. Но для Ладнева любовное томление гораздо важнее реализованной страсти. Неоконченность, недосказанность в любовных историях Леонтьева, возможно, есть способ сохранения поэзии чувств, «музыки томительной страсти». Эту музыку Ладнев стремится выразить в писательстве. Оценки окружающих были ему не важны, т.к. «*настоящее* понимание» – значило его понимание. Ладневу, как и его автору, свойственна исключительная степень «самости», независимости от чужого мнения, индивидуализма. Но его индивидуализм не практический, как у нигилиста Базарова, он имеет эстетические корни. «Я не подлец, и слабым героем Тургенева и жалких его подражателей я не был и быть не хочу <...> самоунижения “сороковых годов” я знать не хочу, я его презираю. Я хочу быть правым перед высшим судьей моим, перед *самим собою*’» (курсив Леонтьева). За этим вызовом стоит принципиальный отказ «Ладнева-Леонтьева», по выражению Ю. Иваска, приносить эстетические принципы в жертву моде и социальным требованиям.

Итак, экзотика помогла К. Леонтьеву расширить представление о красоте во всех ее проявлениях (природа, женщина, внешняя форма) и подтвердила то, что борьба лежит в основе эстетического. Экзотика также укрепила К. Леонтьева в религиозных убеждениях, открыв, при этом, другую религиозную традицию. В области поэтики Восток позволил ему развить «живописность» и «музыкальность» прозаического повествования, способствующие лиризации прозы. Именно этим объясняется жанровая рыхлость, неоформленность его произведений, особенно в «Египетском голубе», что отразилось в разноречивых суждениях критиков о жанре этого произведения. Однако К. Леонтьев осмыслил экзотическую красоту Востока как особую категорию эстетики, способную обновить художественные способы и приемы, что также отразилось в искусстве Серебряного века.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, формулируются выводы, утверждается возможное влияние К. Леонтьева на поэтов и писателей Серебряного века в контексте творческой преемственности и истории развития литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Буряченко В.В. Феномен русского дворянства в трудах К.Н. Леонтьева / В.В. Буряченко // Тезисы VI-х международных чтений, посвященных братьям Киреевским. – Калуга, 2006. – С. 75-78.

2. Буряченко В.В. Культурологические особенности пейзажа в романе К.Н. Леонтьева «Подлипки» / В.В. Буряченко // Современность русской и мировой классики. – Воронеж: НИТОУР, 2007. – С. 57-62.

3. Буряченко В.В. Мир дворянской усадьбы в романе К.Н. Леонтьева «Подлипки» / В.В. Буряченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2007, № 1. – С. 18-25.

4. Буряченко В.В. Восток и Запад как культурные парадигмы в художественном осмыслении К.Н. Леонтьева (на материале повести «Египетский голубь») / В.В. Буряченко // Научный вестник Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008, № 3. – С. 65-69.

5. Буряченко В.В. Восток в художественном осмыслении К.Н. Леонтьева (на материале повести «Египетский голубь») / В.В. Буряченко // Филологическое образование в школе и вузе: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» IX-х Кирилло-Мефодиевских чтений. – М.; Ярославль: Ремдер, 2008. – С. 345-351.

Работа № 3 опубликована в издании, входящем в реестр ВАК Минобрнауки РФ.

